

OBSERVANCE OF THE PRINCIPLE
OF SYSTEMATICITY AS THE MAIN
DETERMINANT OF LEGAL ACTS
EFFICIENCY IMPROVEMENT

R. Puzikov, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor
Tambov State University named after
G.R. Derzhavin, Russia

The article is devoted to one of the most urgent topics of modern legal life in modern Russia - a problem of increasing the efficiency of rules of law. The author focuses attention on one of the most important determinants of achievement of this purpose: observance of one of the basic principles of legal policy – the principle of systematicity.

Keywords: legal policy, regulatory legal acts, principles of law, legal doctrine.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА
СИСТЕМНОСТИ КАК ОСНОВНАЯ
ДЕТЕРМИНАНТА ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Пузиков Р.В., канд. юрид. наук, доцент
Институт права, Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина, Россия

Статья посвящена одной из наиболее злободневных тем современной правовой жизни современной России, проблеме повышения эффективности правовых норм. Автор акцентирует внимание на одной из наиболее важных детерминант достижения данной цели на соблюдении одного из основных принципов правовой политики – принципе системности.

Ключевые слова: правовая политика, нормативно правовые акты, принципы права, юридическая доктрина.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Как вытекает из самого определения правовой политики, под которой принято понимать «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность... по созданию эффективного механизма правового регулирования...» (курсив Р.П.) вытекает то, что одним из основополагающих принципов современной правовой политики выступает именно принцип системности. Однако даже в таких концептуальных работах как «Правовая политика: словарь и проект концепции» одновременно отмечая, что «правовая политика – это, прежде всего, системная деятельность...», в то же время раскрывая принципы правовой политики не указывается на наличие такого. Данное положение, безусловно, предопределяет необходимость доктринального осмысления сущности и содержания принципа системности, а также его роли в повышении эффективности правовых актов.

Наверное, никто не сможет указать точное время возникновения права. Однако, однозначно можно утверждать, что вместе с появлением такого феномена как право, появилась и проблема эффективности права, поскольку право нужно лишь постольку, поскольку оно способно реально воздействовать на общественные отношения. Многие великие мыслители пытались найти рецепт идеального закона, идеального права, которое было бы максимально эффективным. Но с развитием и усложнением общества менялось и право, делая проблему его

эффективности все более актуальной. И сколь долго будет существовать постоянно изменяющееся право, столь долго проблема эффективности права будет оставаться актуальной. В первую очередь это связано с тем, что «любые явление или процесс, какими потенциально полезными качествами и свойствами они бы не обладали, существенно утрачивают свою реальную полезность и актуальность, не будучи достаточно эффективными».

Прежде чем приступить к анализу сущности и содержания принципа системности следует уяснить сущность самого критерия эффективности правовых актов как основополагающей цели правовой политики. Проблема эффективности правовых норм и ее видов достаточно многоаспектна. Это связано и с многообразием типов правопонимания, и с плюрализмом мнений о понятии эффективности юридических норм, и с множеством факторов, влияющих на результативность, действенность правовых предписаний.

Большинство российских исследователей, говоря о дефиниции «эффективность» права, ссылаются на определение, данное в работе В.Н. Кудрявцева, указывая, что под указанным термином чаще всего понимается «соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты».

Подобное этому, дано определение в работе А.А. Зелепукина «Эффективность российского законодательства»:

«Понимая правовое регулирование как воздействие на общественные отношения, осуществляемое при помощи права и других юридических средств, мы говорим о его эффективности, имея в виду степень достижения цели, которая ставилась при разработке конкретных нормативных актов».

В учебнике В.В. Лапаевой представлено определение эффективности права, исходящее из основной (с точки зрения автора учебника) функции права – как «средства объективного, общесправедливого для конфликтующих сторон разрешения социальных конфликтов». По мнению автора, под эффективностью закона следует понимать степень соответствия реального уровня конфликтности в урегулированной законом сфере отношений оптимальному для данной сферы уровню конфликтности.

Юрист Александр Добровольский в своей работе «Критерии эффективности хозяйственного законодательства», подходит к определению данного термина с другой стороны. Он пишет: «Можно определить понятие эффективности правового регулирования экономических отношений как величину, обратно пропорциональную той доле совокупных общественных издержек, которая связана с правовым регулированием».

Совсем иной подход к определению понятия эффективности права можно найти в исследованиях «буржуазных» ученых. Т. Гирш определяет социальную эффективность права через от-

ношение частоты актов правомерного поведения к актам поведения, отклоняющимся от требований правовых норм.

Однако при всем кажущемся многообразии подходов к понятию эффективности налицо общие признаки это: достижение исходной цели, которую ставит перед собой законодатель; и востребованность принимаемых норм большинством общества. Другими словами, **эффективность права** – это соотношение общего фактически достигнутого результата действия всех норм права и теми, соответствующими социальным интересам, целями, для достижения которых принимались нормативные акты, с учетом общественных затрат на их реализацию.

Очевидно, что вследствие того, что законодателю приходится учитывать большое число различных интересов и мнений, а также то, что регулируемые будущей нормой отношения каждый раз будут осуществляться по-другому, при формировании социального содержания и выборе средств и способов правового регулирования, необходимо соблюдать общие законы и принципы принятия решений.

Принцип системности состоит в том, что всякое общественное отношение не может регулироваться отдельной нормой или отдельным законом, а при формировании социального содержания необходимо учитывать все законодательные акты, регулирующие данный вопрос, а также то, что всякое отношение связано с многими другими и регулируется одновременно различными отраслями права, а также попадает под воздействие других сил (экономика, природа, культура и т.п.). Соответственно для того, чтобы социальное содержание закона максимально способствовало его эффективности, оно должно учитывать имеющееся воздействие со стороны права на данные отношения и как оно изменится с принятием данного нормативного акта, а также вписывается ли оно в существующие экономические, политические и культурные условия. Качественный закон – это такой закон, который не только согласовывается с системой законодательства, но и способствует развитию экономики, стабилизации политической обстановки и повышению культурного уровня.

Переходя непосредственно к про-

блеме реализации принципа системности российской правовой политики следует констатировать, что, к сожалению, среди правоведов все больше и больше утверждается мнение, что современная нам российская система права переживает глубокий кризис: «...российское законодательство вступает в качественно новое состояние, заметной особенностью которого является рассогласованность, причем как межсистемная, так и внутрисистемная». Причин тому теоретики права называют несколько.

Прежде всего, неимоверное количество законодательных актов, принятых за последние годы. Ю.А.Тихомиров эту проблему назвал «юридической трагедией». И было за что: «за советские годы, с 1938 по 1988 год, было принято около ста законов в чистом виде, не утверждавшихся Указами ПВС СССР. Сейчас новых законов около полутора тысяч». Вышедший в 2000 г. справочник общим объемом в 520 страниц содержит данные более чем о 1520 действующих законодательных актах за период с 1927 г. по 11 апр. 2000 г. и данные более чем о 570 законопроектах, находящихся на разных стадиях законотворческого процесса. За истекшие годы эти цифры отнюдь не уменьшились. А законодательство субъектов Федерации? А подзаконные нормативные акты? А едва ли не ежедневные публикации изменений и дополнений в ранее принятые нормативные акты? Удивительно ли, что все чаще и чаще вспоминают сентенцию российского правоведа Г.Ф.Покровского, который еще в 1827 г. написал: «Несчастен тот народ, который имеет необъятное множество законов». Нам же представляется, что в этой связи намного актуальнее предостережение римского историка Тацита: «*Corruptissima republica plurimae leges*» (чем ближе государство к падению, тем многочисленнее его законы).

Сложившаяся ситуация привела к тому, что как юристы-практики, так и правоведы-отраслевые, худо-бедно профессионально владеют двумя-тремя правовыми институтами, реже – одной какой-то отраслью права.

Вторая причина кризиса российской правовой системы, столь же глобальная и столь же острая, – рассогласованность этих норм между со-

бой. Коллизии норм – дело обычное. Имеется механизм их разрешения. Существует даже собственная теория коллизионного права. Плохо, когда эти коллизии возникают вне этого механизма, являются неразрешимыми. Хуже некуда, когда такого рода коллизий – неимоверное количество.

При изучении литературы складывается впечатление, что в действующей системе российского права нет ни одной ассоциации норм, института или отрасли, которая была бы организована удовлетворительно, была бы свободна от внутренних или (и) внешних противоречий. В этом плане показательны, например, выступления на научно-теоретической конференции, посвященной 75-летию ИЗиСП. Практически все ее участники говорили о том, что именно их отрасль – самая неорганизованная и противоречивая. Едва ли не в каждом номере многочисленных юридических журналов появляются публикации, анализирующие коллизии, противоречия, имеющиеся в самых разных нормативных комплексах.

Есть и другие причины кризисного состояния правовой системы России (напр., нехватка квалифицированных юристов, традиционный для российского менталитета правовой нигилизм и др.). Однако указанных вполне достаточно для неутешительного вывода: если тенденция снижения эффективности права будет сохраняться, очень скоро эта система перестанет быть работоспособной вовсе. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. В том числе теми, о которых писал Тацит.

Кризисное состояние правовой системы сопровождают (или обусловили?) аналогичные тенденции и в современном российском правоведе. Лишившись марксистских методологических принципов, российская юридическая наука, видимо, так и не смогла выработать принципиально новый методологический инструментарий, который позволил бы перейти на качественно иную ступень освоения правовой действительности. Такое впечатление подкрепляется и прямыми заявлениями правоведов, которые исследовали эту сторону проблемы. Так, А.В.Поляков, например, считает, что «...большинство современных попыток модернизации российской

теории права представляет собой эклектичное сочетание разнородных начал и идей, плохо согласующихся между собой и хотя бы в силу этого не удовлетворяющих элементарным требованиям, предъявляемым к научным теориям». Аналогичной позиции придерживается и Д.А.Керимов, который заявил, что за последнее десятилетие современная юриспруденция ничем сколь-нибудь значимым не обогатилась и т.д..

Решению всех указанных нами причин и способен послужить принцип системности. Так, в теории систем является общепризнанным, что качественное описание каких-то явлений как с позиций их детализации, так и обобщения наиболее возможно с помощью искусственных (формализованных) языков, которые ориентированы на оперирование с понятиями более высокого уровня общности и которые могут послужить базой для формализации всей системы, стать средством создания ее модели. В собственном смысле слова формализация - это не что иное, как «...выявление и уточнение содержания изучаемого явления через рассмотрение и фиксацию его формы и оперирование с нею». При формализации изучаемым объектам, их свойствам и отношениям ставятся в соответствие некоторые вполне материальные конструкции, которые становятся их символами и облегчают выявление и фиксацию существенных свойств этих объектов. Примером формализации правового материала может служить методика исчисления эффективности нормы права, предложенная В.К. Самигуллиным.

В целях обеспечения социальной безопасности экономической системы государства, Е.А. Федотова справедливо предлагает проведение систематического мониторинга социально-экономических факторов экономической безопасности и формирование института *социально-экономической экспертизы принимаемых законов и правительственных решений*.

Реформирование судебной системы в Российской Федерации, предусмотренное еще в 1992 году на общей волне, проводимых в России демократических реформ которое должно было осуществляться в соответствии с принципами организации правосудия раз-

работанными странами-членами ООН. В числе международных организаций универсального характера – ООН, Совет Безопасности, ОБСЕ, Страсбургский Суд по правам человека и другие.

В частности, был принят закон о дисциплинарном судебном присутствии, которым планировалось рассматривать дела о дисциплинарной ответственности судей, однако пока реальных изменений в функционировании судебной системы в связи с принятием вышеуказанного закона не произошло. Речь идет о политических причинах, в частности из-за отсутствия Кодекса судейской этики, и т.д.

Справедливости ради следует отметить, что современной юридической наукой изучался опыт проведения судебной реформы во времена СССР. Кроме того, поскольку реформа судебной системы осуществляется не только в России, но и в странах Европы, проводились исследования и практики функционирования европейских общественных и международных организаций, как, например, Европейский суд по правам человека и ОБСЕ. Однако, несмотря на это А.Г. Диденко справедливо называет одной из причин правового скептицизма частые и необоснованные перемены юридического климата. Вместе с тем политические особенности осуществления реформы судебной системы современной России выпали из сферы исследований.

Как отмечает И.Н. Леонов, в современной России по сравнению с другими ветвями власти (законодательной и исполнительной) судебная власть меньше всего подвержена общественному контролю, что не соответствует принципам правового государства. Отсутствуют механизмы противодействия коррупционным практикам, а само судейское сообщество вопреки распространенному общественному мнению, не признает наличие проявлений системной коррупции.

Судебная реформа является составной частью системы реформы государственного управления. Если говорить в целом, то процессы реформирования судебной системы в значительной мере не скорректированы с задачами осуществления модернизации российского общества, другими словами, очевидно, выпадают из общей системы

российской правовой политики. В этом случае, говоря о реализации принципа системности, закономерно требование о необходимости одновременного реформирования всех ветвей власти, всех органов власти, в том числе экономические составляющие и т.д. а также одновременно норм материального и процессуального права. В этом смысле бесспорным кажется утверждение о том, что «устранение организационных недостатков в деятельности судов – важный резерв повышения эффективности. Судья должен быть освобожден от несвойственных ему обязанностей не процессуального характера». Не случайно в процессе осуществления социологических опросов граждане в основном жалуются на невыполнение решений суда и судебную волокиту.

В рамках нарушения принципа системности правовой политики с сожалением следует отметить, что в Российской Федерации пока нет единого нормативного правового акта, регламентирующего порядок реализации права гражданина на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов (должностных лиц). При этом вопросы ответственности в разных законах решены с разной степенью детализации и не всегда единообразно.

Поскольку граждане в подавляющем своем большинстве не могут вникать в тонкости принятия решений и индикаторы оценки эффективности институтов государственной власти, они ориентируются, прежде всего, на восприятие культуры соответствующих сотрудников. Различаются объективная и субъективная организационная культура сотрудников судебной системы. Объективная организационная культура проявляется в функционировании судов и структур, обеспечивающих выполнение судебных решений, а субъективная культура характеризует уровень индивидуального восприятия соответствующими служащим существующих в организации ценностей, в качестве которых выступают как представления служащих о принципах деятельности организации и взаимоотношениях ее членов, так и модели поведения судебных служащих и речевые стандарты обращения к гражданам.

Например для отечественного уголовно-процессуального законодательства традиционной формой защиты нарушенных имущественных прав потерпевшего является гражданский иск в уголовном судопроизводстве. Однако, как свидетельствуют приведенные данные, сложившийся порядок по многим объективным причинам не может гарантировать возмещение потерпевшим вреда от преступлений. В первую очередь по той причине, что в отечественном законодательстве закреплена возможность его возмещения исключительно за счет виновного лица. Это является одним из немаловажных факторов, который приводит к отчуждению потерпевшего от системы уголовного правосудия в стране (по некоторым данным лишь 37,4% граждан, оказавшихся жертвами преступлений, обращаются в правоохранительные органы), порождает неуверенность в возможностях государства реально защитить его интересы и права, обеспечить реализацию конституционного положения о компенсации вреда, причиненного преступлением.

Так, еще в начале прошлого века М.В. Духовской в работе «Русский уголовный процесс» указывал, что «государство не может забывать... интересов лица, потерпевшего от данного преступного деяния». А ныне – все чаще звучит в официальных докладах Уполномоченного по правам человека в РФ, который отмечает, что «на протяжении многих лет... права потерпевших защищены объективно слабее, чем права подсудимых, подозреваемых или осужденных. Последние сплошь и рядом не возмещают своим жертвам причиненный им вред. Государство же его тоже, как правило, не компенсирует».

Говоря о соблюдении принципа системности в России правомерно также отметить, что системное противодействие рейдерству возможно только при параллельной реализации действий по всем направлениям, формирующим данную проблему: противодействие рейдерству как составная часть ментальности бизнесобщества (формирование новой деловой этики) и противодействие рейдерству как часть государственной политики (борьба с коррупцией и усовершенствование законодательной базы).

Однако принцип системности должен находить свое решение не только

в правотворческой деятельности, но и в таких формах правовой политики как правоприменительная, судебная, правоинтерпретационная. На особое место в этом случае выходит «системный способ толкования», под которым следует понимать «совокупность приемов, использование которых, базируясь на сопоставлении двух или более юридических норм, позволяет раскрыть смысл толкуемой нормы».

При этом составной содержательной частью принципа системности правовой политики соответственно должен выступать «принцип системного толкования» под которым, в частности понимаются «основные идеи, начала, следование которым в процессе системного толкования позволяет установить смысл юридической нормы, взятой во взаимосвязи с другими правовыми предписаниями. В данной связи целесообразным представляется выделение принципов взаимосвязи норм, последовательности, приоритетности и полноты».

Говоря о реализации принципа системности, уместно отметить необходимость системного подхода к правовой политике не только в сфере публичного права (в чем явный перекосяк), но и в сфере частного права. Не следует забывать, что еще со времён Римской империи цивилистика признавалась основой правовой системы: «...именно гражданские законы -- это те главные факторы, с помощью которых идеалы свободы, требования демократической и правовой культуры фактически реализуются в повседневной жизни граждан, и тем самым с юридической стороны обеспечивается реальное формирование современного свободного гражданского общества». Сегодня весьма актуально и другое наблюдение вышеупомянутого автора: римское право отнюдь не представляет собой результат сглаженной и усреднённой коллективной проработки (что столь характерно для сегодняшнего российского правоведения), римское право - плод сильного и оригинального индивидуального ума, **в данном случае правомерно говорить, прежде всего, о юридической доктрине.** Этот подход и сегодня весьма актуален. И по сути, как показала и отечественная, и мировая практика, не имеет альтернативы. Истина не «лежит посередине» - там может существовать только ещё одна пробле-

ма. Так реализуется один из основных принципов системного анализа.

Системный анализ (иногда называемый также системным анализом или анализом сложных систем) - область науки, изучающая методологические принципы, концепции, практические методы для обоснования решений по сложным экономико-политическим, социальным, военным, научно-техническим, экологическим и правовым проблемам в условиях неопределённости, обусловленной наличием факторов, не поддающихся однозначной количественной оценке.

В процессе проведения системного анализа формируются варианты решения, на основе которых можно сделать окончательный выбор оптимального решения - по определённым, заранее установленным критериям. Отсюда один из главных принципов системного анализа: прежде всего нужно чётко уяснить существо решаемой задачи. В сегодняшней российской юриспруденции наиболее часты сбои именно в этом компоненте.

Отмеченное нами понимание права как системы правовых норм, наделённых характеристиками, признаками позволяет выделить и такие черты права в целом, как его системность и структурность. Изучение системы и структуры права становится важным не только в научных, но и в чисто практических целях.

Действительно, если право как социальный институт не просто механическая совокупность правовых норм, а некое органическое образование, нечто системное, то тогда и в правотворческом, и в правоприменительном процессах следует учитывать это качество права.

Ведь системные свойства того или иного объекта означают обязательное наличие в этом объекте элементов, органически связанных друг с другом, взаимодействующих между собой. Кроме элементов и их связей, системный подход выделяет и характер этих связей, их содержание, изучает системнообразующие факторы, определяет уровни системы, ее сложность и т.п.

И это значит, что в правотворческом процессе учет системных свойств права ведет к требованию разрабатывать и принимать нормативно-

правовые акты в комплексе, в системе, которые регулировали бы общественные отношения всесторонне, наиболее эффективно, социально полезно. Это значит, что при принятии закона надо проследить всю цепочку его взаимодействия с другими законами, вносить соответствующие изменения в эти другие законы, или, напротив, установив противоречия с другими законами, признать, что подготовка и принятие нового закона является делом невозможным или нецелесообразным. Вариантов тут много, но системность права обязательно накладывает свои ограничения на правотворческий процесс.

В правотворческом процессе учет системности права означает также понимание недопустимости произвольных экономических, социальных решений. Являются иллюзиями представления многих экономистов, политиков, что они могут принимать любые экономические или социальные решения, которые потом, де, оформят юристы. Если эти решения противоречат системе права, ее основополагающим началам, эффективность таких экономических, социальных решений будет ничтожна или даже, наоборот, окажется социально вредной.

В правоприменительном процессе учет системности права означает возможность найти и применить наиболее точную норму для решения гражданско-правового спора, рассмотрения уголовного дела.

Как отмечает А.Б. Венгеров «эти нормы находятся в систематизированном состоянии, помещены в определенные структурные подразделения права (отрасли, подотрасли, правовые институты), что и позволяет их отыскивать, реализовывать, словом, приводить в действие».

Такую возможность предоставляет также наличие в системе права двух крупных блоков – материального и процессуального права. Иными словами, недостаточно иметь в системе права лишь нормы материального права, надо иметь еще и соответствующие, взаимосвязанные с ними нормы, определяющие порядок, процедуры применения норм материального права. И обеспечивает это важнейшее свойство права – взаимосвязь материальных и

процессуальных начал – именно системность права.

Только в сочетании материальное и процессуальное право обеспечивают регулятивную роль права, позволяет в необходимых случаях реализовать санкции правовой нормы, иных элементов. Система права включает в себя и иные крупные взаимодействующие блоки, например, блок внутригосударственного (национального) права и блок тех общепризнанных принципов и норм международного права, которые включены (имплантированы) в соответствующую систему права.

К крупным блокам в системе права относятся также публичное и частное право – членение системы права на нормы, регламентирующие государственные (конституционные) отношения, касающиеся общественно-значимых социальных интересов (публичное право), и нормы, регламентирующие частные интересы: лично-имущественные, семейно-брачные и т.п. (частное право).

Размышляя о системе права, следует также иметь в виду, что во все времена юристы того или иного общества стремились к созданию четкой, непротиворечивой системы права. Однако это почти никогда не удавалось: противоречивость законов являлась скорее правилом, чем исключением, что однако не должно стать причиной оставления юридической доктриной попыток его совершенствования и устранения подобных проявлений.

Подводя итог, следует отметить, что именно принцип системности российской правовой политики выступает в качестве основного фактора, способствующего формированию качественного состояния правовых актов в России и как следствие их эффективности. Реализация принципа системности должна вестись одновременно в нескольких направлениях. Прежде всего, системность общественных потребностей и государственного реагирования, соотношения частноправовых и публично-правовых средств регулирования, совершенствование системы стимулов и ответственности, систематизация законодательства и т.д.

Как нам представляется, целенаправленная реализация современной правовой политикой России принципа системности позволит не только на по-

рядок повысить эффективность правовых актов, но и кардинально повлиять на всю правовую жизнь посредством повышения авторитета власти в российском обществе, уровня правовой культуры и правосознания и стабилизации происходящих в России правовых процессов.

References:

1. Pravovaya politika: slovar' i proekt kontseptsii [Legal Policy: dictionary and the project concept] under ed. A.V. Mal'ko; GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava». – Saratov., Publisher GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava» [Saratov State Academy of Law], 2010.
2. Maksurov A.A. K voprosu ob effektivnosti yuridicheskoi praktiki [On matters of effectiveness of legal practice]. Available at: <http://www.maksurov.ru/science/01.php>
3. Zhinkin A.V. Effektivnost' norm prava. Zhurnal rossiiskogo prava. [The effectiveness of norms of law. Journal of the Russian Law]. - 2004. No. 2.
4. Kudryavtsev V.N., Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. Effektivnost' pravovykh norm. [The effectiveness of legal norms]. - Moskva; VNIISZ, 1980.
5. Sotsiologiya prava [Sociology of Law], Lapaeva V.V., Under ed. Narseyantsa V.S. - Moskva., Norma, 2000. - 456p.
6. Poslanie Prezidenta Respubliki Belarus' A.G. Lukashenko Natsional'nomu sobraniyu Respubliki Belarus'. [Message from the President of the Republic of Belarus A.G. Lukashenko to the National Assembly of the Republic of Belarus] Sovetskaya Belorussiya., April 24, 2002.
7. Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' No. 407 ot 28.07.1997 g. «O sozdanii Natsional'nogo tsentra zakonoproektnoi deyatel'nosti pri Prezidente Respubliki Belarus'». [Decree of the President of the Republic of Belarus № 407 of 28.07.1997 "On establishment of the National Centre of Draft Legislation under the President of the Republic of Belarus"] "Respublika", 1997, No. 161., p. 5.
8. Baranov V.M., Pshenichnaya M.A. Garmonizatsiya zakonodatel'stva Rossii: filosofskie i pravovye aspekty. [Harmonization of Russian legislation: philosophical and legal aspects] Filosofiya prava [Philosophy of Law]. - 2000., No. 1., P. 44.

Information about author:

Ruslan Puzikov - Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; address: Russia, Tambov city; e-mail: ruslanlaw@mail.ru